Этим же вечером за ужином.

– Вы посмотрите на себя, – начал лекцию Ли Цзинлун, взмахнув палочками. – Не могли хотя бы притворится выразить почтение и встать на колени?

– Зачем мне это? – пожал плечами Мо Жигэнь.

А-Тай же с невинным лицом произнес:

– В моей семье есть особое правило. Даже перед императором Тай-цзуном[1] мы не преклоняем колен.

[1] А-Тай не зря упомянул этого императора, так как он считается одним из величайших во всей истории Китая. Был вторым императором в династии Тан, его правление считается эпохой процветания, и он был крайне милостив со своими подданными. Правление Тай-цзуна связано с первой в истории Китая попыткой создания синтетической культуры, объединяющей китайскую цивилизацию со степными кочевниками.

Ли Цзинлун вздохнул.

– Адъютант, – начал Мо Жигэнь, – говоря по правде, у меня в семье тоже есть правило. При встрече с императором Центральной земли[2], нам не нужно становиться на колени, просто поклона будет достаточно.

[2] Центральная земля (кит. □□) – средняя земля, срединная равнина (обр. в знач.: Китай)

Ли Цзинлун перевел взгляд на Цю Юнсы, тот произнес:

– У меня в роду… мои предки были святыми, так что мне не нужно преклонять колени… ну, мы не кланяемся перед смертными.

Ли Цзинлун поднял руку, говоря тем самым, что разговор окончен. Он опустился на колени, так что это больше не имеет ни к кому из экзорцистов никакого отношения.

Хунцзюнь продолжал поглощать подаренные пирожные, как начал с полудня, так и до самого вечера. Ли Цзинлун посмотрел на него и спросил:

– А у тебя какое происхождение?

– Мой папа сказал, что даже если мой род увидит Нефритового императора или Будду, мы не обязаны преклонять колени.

Никто не знал, что ответить на подобное заявление.

– Хунцзюнь! – вскрикнул Чжао Цзылун, раздавая рис у края стола и мешая юноше выложить все подробности собственной жизни.

– Однако, если в следующий раз меня предупредят, ничего плохого не случится, если я встану на колени, – добавил Хунцзюнь. – Мой папа все равно не узнает; просто человек, которому суждено стать свидетелем этого коленопреклонения, может не дожить до отведенных ему лет.

Цю Юнсы неожиданно улыбнулся и сказал:

– В следующий раз, когда встретишь яо, просто встань перед ним на колени и трижды поклонись ему, тогда ты сможешь положить конец его жизни прямо на месте. Ах, как было бы прекрасно, сразу работы в два раза меньше!

– Хорошая мысль! – согласился Хунцзюнь, почувствовав, что в этой идее все-таки что-то есть. Ему стоит попробовать реализовать ее в следующий раз.

– Ребят, вы… – Ли Цзинлуну не хватило сил вынести эти бессмысленные разговоры. – Давайте уже ешьте. Хунцзюнь, хватит с тебя пирожных, а то никогда так не закончишь с трапезой[3].

– Не смотрите на мой аппетит с таким высокомерием! – вздернул юноша нос в ответ на провокацию.

[3] Но-но-но, Ли Цзинлун тут, считай, оскорбил аппетит нашего павлинчика. Он указал не на то, что возиться долго с едой будет, а на то, что если продолжит есть гао в таком количестве, то вообще ничего больше съесть не сможет. На что Хунзцюнь ему и ответил, что тот его недооценивает, т.е. «Хунцзюнь, хватит с тебя пирожных, а то будешь не в состоянии есть».

Мужчина нахмурился. Даже если он отдохнул немного, проблемы, рухнувшие на него, оставались на месте, и не стали меньше ни на йоту. Дело Отдела экзорцизма все еще не закрыто, метательный нож Хунцзюня все еще числился пропавшим, дворец Дамин скоро постучится к ним за компенсациями, а разговор, что произошел у него с Фэй Ао прошлой ночью, обладал каким-то своим глубинным смыслом… ах, лучше поесть сперва, а потом вернуться к насущным проблемам. На сытый желудок думается лучше.

На некоторое время в комнате воцарилась тишина, каждый погрузился в собственные проблемы. Наконец Ли Цзинлун поставил свою миску и вздохнул. Цю Юнсы дернулся готовить чай, а А-Тай улыбнулся и попытался успокоить начальника:

– Адъютант, в жизни человека нет удара судьбы, который бы он не мог выдержать. Пойдемте расскажете, что вас гложет.

– Что ты на этот раз задумал?! – воскликнул Ли Цзинлун, почувствовав, как волосы дыбом встают. – Не нужно!

Мужчина осторожно окинул взглядом своих подчиненных, переживая, что они причинили очередные неприятностей.

– Кое-что больше нельзя скрывать от вас… – начал А-Тай.

У Ли Цзинлуна сердце ушло в пятки. Мысленно он уже прощался с жизнью.

– Ах, плевать, моя удача уже на нуле. Говори давай, все равно, когда мне голову отсекут, останется шрам размером с миску.

– Ничего серьезного в моем признании нет, – заверил А-Тай. – Адъютант, на самом деле, я солгал вам о своем имени… Меня зовут не Хаммурапи. Моя фамилия Исай, а зовут меня Тегла Исай. Я не из Тохаристана, мои предки – персы.

Ли Цзинлун состроил странное лицо и пробормотал:

– И что не так с фамилией Исай? Исай…

И в момент осознания мужчину будто молнией поразило.

– Ты… из сасанидов, – голос Ли Цзинлуна дрожал. – Ты наследный принц Сасанидской империи[4]?!

[4] Сасанидская империя – средневековое государство, образовавшееся на территории современных Ирака и Ирана, существовало с 224 по 651 год.

– Вообще, правильнее сказать павшей Сасанидской империи, – несколько меланхолично поправил Ли Цзинлуна А-Тай. – Все-таки мои отец, дед по отцовской линии, мать и другие родственники… уже погибли. Остался один лишь я.

Хунцюню название «Сасанидская империя» совершенно ничего не говорило, но, услышав о смерти родных А-Тая, он подумал о себе и похлопал друга по плечу в знак сочувствия.

Ли Цзинлун все еще пребывал в состоянии ужасного потрясения. Его брови сильно сдвинулись к переносице.

– Почему же ты… не обратился к Его Величеству?

– Мои предки не смогли исполнить обещание, – А-Тай провел пальцами по своим вьющимся каштановым волосам. – Прадед в битве при Таласе потерял протекторат Аньси[5], который ему предоставила Великая Тан, дедушка запросил еще больше войск у нее, чтобы вернуть государство, однако в итоге…

[5] Великий протекторат по умиротворению Запада (Великий протекторат Аньси) – был основан династией Тан в 640 г. для контроля над Таримским бассейном. О его географии и прочем есть информация только на английском: https://en.wikipedia.org/wiki/Protectorate_General_to_Pacify_the_West

К слову, о битве при Таласе, о которой сейчас сокрушается Тай. По истории значение этой битвы в те времена было сильно преувеличено, эта битва лишь была одной из тех, что привела к восстанию против императора.

– Когда они добрались до Тохаристана, войска ушли сами, – завершил Ли Цзинлун мысль.

– Вы знаете? – удивился А-Тай.

– Так и что с того? – ответил вопросом на вопрос адъютант.

А-Тай вздохнул. В тот год, когда Исай потеряли Персию, столицу захватили аббасидские войска, и три поколения правящего рода начали бежать. И эти три поколения, включая деда А-Тая, попросили помощи у Великой Тан, после обосновались в протекторате Аньси и основали в Цзилине новое военное персидское царство.

Однако хорошее время длилось недолго: всего за несколько лет аббасиды забрали последний клочок персидской земли, поддерживаемый династией Тан. Сыновья семьи Исай, в том числе и дед А-Тая, Пероз III, взяв с собой отца А-Тая, Нарсеха, попросили у покровителей больше солдат.

Гао-цзун Ли Чжи[6] отправил войска, которые должны были сопроводить персов в Тохаристан, однако путешествие заняло больше десяти лет, и первоначально разворачивающиеся воины уже начали рассеиваться из-за потери боевого духа. Наконец, командующий Пэй Синцзянь[7] смог сопроводить принцев-беженцев в Тохаристан, после он быстро мобилизовал свои войска и уехал.

[6] Гао-цзун (□□) – третий император династии Тан, Ли Чжи (□□) это его второе имя. Правил с 650-683

[7] Пэй Синцзянь (□□□) – генерал и политик династии Тан, отвечал за сопровождение Нарсеха. Большую часть своей жизни посвятил борьбе с тюркскими племенами в протекторате Аньси.

Когда Нарсех вернулся на Центральную равнину, Великая Тан уже преобразилась. Чжун-цзун

Ли Сянь[8] переназначил на пост Внушающего благоговейный трепет генерала Левых другого человека и больше не желал одалживать своих солдат. За короткие два года Нарсех понял, что надежды на возрождение его государства больше нет, поэтому он вернулся в Тохаристан, где уже десять лет спустя у него родился сын, которого он назвал Теглой, и этим сыном и оказался А-Тай, которого сейчас видели перед собой экзорцисты.

[8] Чжун-цзун (□□) – четвертый и седьмой император династии Тан, Ли Сянь (□□) второе имя. Правил в периоды: 3 января – 26 февраля 684 года, 705 – 710 гг.

С тех пор, как Персия пала, четыре поколения персидских принцев лелеяли слабую надежду и преодолевали расстояние от Западных земель до Центральной равнины, а после сново возвращались на запад. Осенней ночью история, рассказанная А-Таем, горчила отчаянием и сожалением.

– Пэй Синцзянь – мой дедушка по материнской линии[9], – внезапно сказал Ли Цзинлун.

А-Тай не знал, как отреагировать на эту новость.

– За то, что случилось тогда, я… прошу прощения, – вздохнул Ли Цзинлун.

[9] Получается, что Ли Цзинлун на ¼ у нас тюрок, так как все дети его деда были от второй жены и были они лишь наполовину китайцами.

– Разве вы имеете к этому отношение? – улыбнулся А-Тай. – Будь я на его месте, я бы тоже не стал жертвовать жизнями двадцати тысяч человек в Западном регионе, если бы видел, что надежды на возрождение просто нет.

Мо Жигэнь ответил:

– У аббасидов было численное преимущество. Лобовое сражение – пустая трата времени и сил, неразумная стратегия. Нужно атаковать изнутри.

– Честно говоря, я это все уже знаю, – кивнул А-Тай. – Мой царственный отец уже заставил меня отказаться от этой цели перед своей смертью. Он сказал: «А-Тай, я надеюсь, ты сможешь правильно прожить собственную жизнь. Не будь таким, как я и твой дед, не трать свою жизнь на…»

Здесь А-Тай замолк. Когда молчание затянулось, Хунцзюнь сказал:

– Но ты ведь все равно хочешь сделать это, да?

А-Тай мягко улыбнулся, но было в этой улыбке что-то печальное. Хунцзюнь прекрасно понимал

его, ведь перед тем, как он спустился с горы, Чун Мин и Цин Сюн вложили в него аналогичные надежды. Хотя они говорили, что все хорошо, он чувствовал, что должен исполнить свои обязательства.

Однако больше он сочувствовал А-Таю из-за того, что человек, который возлагал на него столько надежд, уже умер.

– И сколько людей у тебя в подчинении? – спросил Ли Цзинлун. – Они пришли с тобой?

Ли Цзинлуна заявил прямо, и в глазах А-Тая вновь зажглась искра надежды.

– Они все в Тохаристане, – ответил А-Тай. – Их больше ста человек, и сейчас с ними мой друг, пока меня нет.

Ли Цзинлун вздохнул, а после собрался выйти во двор. Он глубоко задумался и спросил:

– А-Тай, как ты научился магии?

А-Тай родился в год, когда Нарсеху исполнилось пятьдесят. Зороастризм[10] тогда был главной религией Персии, после распада все изменилось. Поэтому верховный жрец принял в свои ученики А-Тая. Тот научился управлять силой Четырех колец: огнем, землей, громом и водой. Также он узнал, как использовать Благочестивый ураганный веер, как и подобает священному принцу, что возродит страну и вернет персам былую веру. Однако учитель А-Тая умер еще раньше, чем Нарсех. И как оказалось, в Срединной земле достаточно последователей зороастризма: они просто скрылись в тенях от преследований Аббасидского халифата.

[10] Последователи такого религиозного течения, как зороастризм, видят смысл жизни не столько в личном спасении, сколько во всеобщем благе. Зороастрийцы считают Землю лучшим из миров, который изначально был сотворен святым. Поэтому в зороастризме нет постов, ограничений и аскетических практик. Согласно этому религиозному учению, огонь является зримым отображением Бога на земле. Поэтому вознося молитвы, зороастрийцы обращаются лицом к свету.

Важным условием жизни каждого последователя этой религии является соблюдение определённой ритуальной чистоты. Это состояние может быть нарушено злыми мыслями и делами, соприкосновением с оскверняющими предметами и людьми, а также трупами. Те, кто был осквернен, должны проходить довольно сложные обряды очищения.

– Что мне сделать для тебя? – спросил Ли Цзинлун, обернувшись.

– Я с радостью потрачу свои силы на благо Чанъаня, – ответил А-Тай. – Великая Тан всегда была самой верной союзницей моей Персии, и я сделаю для нее все что угодно. Надеюсь, когда-нибудь настанет день, когда Великий император династии Тан поможет мне в ответ, и я

смогу вернуть свою страну.

Но разве это так просто? Собравшиеся в зале прекрасно понимали, что, даже если нынешний император захочет оскорбить Аббасидский халифат и пойти на него войной, шансы на победу были ничтожны.

– Я сделаю все, что в моих силах, – серьезно произнес Ли Цзинлун. – Однако сейчас этот вопрос подождет.

А-Тай кивнул и объяснил:

– В этот раз я прибыл в Чанъань, подготовившись. В столь процветающую эпоху мы пребываем в неустойчивом равновесии: если князь яо в столице не будет устранен, то, возможно, Великая Тан не сможет позаботиться даже о себе самой. В таком случае, о войсках для меня не может быть и речи.

– Князь яо? – резко нахмурился Ли Цзинлун.

Цю Юнсы, подобно безмятежным облакам и легкому бризу[11], сказал:

[11] Подобно безмятежным облакам и легкому призу (кит. □□□□) – легкие облака и ветерок. Образно так говорят о погоде, однако также это же сочетание иероглифов значит и «спокойно», «невозмутимо».

– Везде, где есть много яо, должен быть главарь, то есть князь яо. Сейчас в Чанъане два правителя. Первый – истинный дракон, Сын Неба, которого мы сегодня видели. Второй – скрытый во тьме князь яо, который покровительствует десятку тысяч яо в столице.

– Не знаю, как Хунцзюнь, – начал Мо Жигэнь, подумав, – но мы трое прибыли сюда за князем яо.

– И где же этот князь яо? – спросил Ли Цзинлун в момент, когда к ним снова кто-то пришел.

– Адъютант Ли из Отдела экзорцизма, – вежливо позвал мужчину Лянь Хао. – Хуан Юн, заместитель начальника Ревизионной палаты, желает видеть вас.

Сердце в груди Ли Цзинлуна истошно забилось, он понял, что ужасная правда о дворце Дамин наконец-то открылась. Все уставились друг на друга, но, когда они начали подниматься, адъютант остановил их, объявив, что он пойдет один и попытается уладить конфликт.

– Его свяжут и побьют?

Хунцзюнь вспомнил, как в свой последний визит он услышал мучительные крики заключенных, и поежился от ужаса.

Цю Юнсы поспешил утешить его.

– Это невозможно. Если он не вернется к утру, мы тут же придумаем, как помочь ему.

– Мы все деньги потратили, а теперь происходит вот это, – вздохнул А-Тай. – Как же мы поможем, если даже никого не знаем в Чанъане?

Мо Жигэнь ударил себя по лбу. Им удалось изловить яо, потратив столько сил, а теперь он должен бежать на помощь собственному начальнику. Мо Жигэнь не понимал, что пошло не так.

– Ладно! – встрепенулся А-Тай, заметив напряженную атмосферу. – Давайте позабудем о плохом, я лучше сыграю вам пьесу! Послушайте!

– Как думаете, – начал Цю Юнсы, – адъютант все понял?

– Он все понял, – ответил А-Тай, перебрав пальцами струны барбата. – Однако вам, ребята… нужно получше держать язык за зубами.

– О чем ты? – не понял Хунцзюнь.

– Включая тебя, – обратился Мо Жигэнь к Хунцзюню. – Хунцзюнь, ты слишком легко доверяешь другим.

Хунцзюнь чувствовал, что у двух других его товарищей тоже были тайны, которыми они не желали делиться, но вот то, что А-Тай оказался персидским принцем, сильно удивило юношу.

– А вы тоже принцы? – спросил Хунцзюнь.

Он ожидал, что Мо Жигэнь и Цю Юнсы просто улыбнутся, однако не ожидал, что первый кивнет и скажет:

– Думаю, меня можно назвать принцем.

– Ну… – задумался Цю Юнсы. – Трудно сказать, принц я или нет. Я полагаю, что чисто технически могу быть принцем, если вы, ребят, признаете меня таковым.

Чжао Цзылун вылез из пруда и, склонив голову набок, сказал:

– Мой малыш Хунцзюнь тоже принц. Здесь одни принцы или благородные, что ли?!

Все громко рассмеялись, и А-Тай поднял ладонь, чтобы дать пять Хунцзюню.

– Я так и знал!

– Потрясающе!

Все, благодаря схожему статусу, почувствовали некоторое родство. И когда А-Тай уже был готов начать пьесу, Хунцзюнь не смог не спросить:

– А-Тай, я честно хочу послушать твою игру, но все же позволь перебить тебя. Где же князь яо?

А-Тай поднял голову, и все на секунду замерли.

– Ты тоже его ищешь? – спросил Мо Жигэнь.

Хунцзюнь задумался и взглянул на Чжао Цзылуна и, увидев, что он ничего не сказал, слегка кивнул.

– А зачем он тебе? – поинтересовался Цю Юнсы.

– Не имеет значения, – сказал Мо Жигэнь, указав тем самым Цю Юнсы, что ему не следует спрашивать это. – Главное, Хунцзюнь, что ты на нашей стороне.

– Конечно, – догадался Хунцзюнь о смысле слов Мо Жигэня. – Неважно, убить или просто подавить, я всегда буду врагом князя яо.

На лицах у всех отразилось выражение одобрения. Цю Юнсы сделал несколько шагов по двору и сказал:

– Князю яо еще предстоит раскрыть себя, сейчас никто не знает, кто он и какой он в действительности. Но единственное, что можно утверждать точно, он приближенный императора, а, может, даже близкий ему «человек».

– Это черный цзяо[12], – неожиданно выдал Хунцзюнь.

[12] Цзяо или Цзяолун (кит. □□) – безрогий водяной дракон, глава всех морских тварей, а также тот, кто может вызывать дожди и наводнения.

Остальные трое удивились. Мо Жигэнь бессознательно облизнул нижнюю губу. Цю Юнсы сказал:

– Я так и знал! Давайте немедленно отправимся на его поиски: всегда найдется какой-нибудь крошечный след, который мы можем обнаружить, например, его нынешнее логово. Что меня действительно беспокоит – мы, вероятно, с нашими силами не будем для него соперниками.

– Я потерял один из моих метательных ножей, – вздохнул Хунцзюнь. – Если у меня получится вернуть Небесный гром, тогда метательные ножи проявят свою полную силу. Сейчас могу только нескольких низших яо одолеть, мое оружие слишком слабое сейчас.

Личность Хунцзюня была самой загадочной среди всех собравшихся экзорцистов, и, хотя остальные не знали, откуда юноша взялся, они могли сказать одно: этот мальчишка явно пришел из другого мира[13], возможно, он ученик какого-нибудь бессмертного или небожителя. Однако, пока он ничего не рассказывал, никто не спрашивал.

[13] Из другого мира (кит. □□□□□□) – не есть приготовленную людьми пищу; обр. покинуть светский мир, отречься от мира, быть над материальным, свободный от мирских забот.

– Итак, Кун Хунцзюнь, ты тоже приехал в Чанъань, чтобы свергнуть князя яо? – спросил А-Тай.

Все трое устремили свои взгляды на юношу, тот кивнул и сказал:

– Верно.

Все выдохнули с облегчением, очевидно, они много раз думали о происхождении Хунцзюня. Чаще всего им приходила мысль о том, что он из племени яо, ведь за ним следовал карп яо, так что он вполне мог оказаться на их стороне. Но пока у них одна цель, с ним в краткосрочной перспективе очень просто сотрудничать.

– В честь нашей цели победить князя яо в Чанъане, я сыграю вам живую воинственную песню! – объявил А-Тай.

Все зааплодировали. Каким бы трудным ни выглядело будущее, время от времени изливать друг другу свои чувства было несложно. А-Тай заиграл на барбате, а Хунцзюнь пошел искать чашу, чтобы стучать по ней, и все начали слушать песню.

Этим же временем Ли Цзинлун стоял в ярко-освещенном фонарями зале для допросов в Ревизионной палате, энергия тела и сердца была просто высосана из него. Чжао Цзылун сегодня пересолил ужин, и теперь Ли Цзинлуну очень хотелось пить.

Министр промышленности Цинь Сяокан, министр юстиции Вэнь Юй, заместитель главы Ревизионной палаты Хуан Юн, его прошлый глава Ху Шэн, маршал армии Шэньу Ту Цзывэнь,

министр церемоний, чиновник дворца Дамин и главный евнух Гао Лиши[14], сидящий в центре – все высокопоставленные лица собрались здесь, чтобы провести свое собственное расследование. Однако, на самом деле, они хотели просто допросить Ли Цзинлуна. Осталось только в кандалы его заковать.

[14] Гао Лиши (кит. □□□) – китайский евнух и политик династии Тан. Император очень сильно доверял ему, а сам евнух был крайне предан императору. Он принимал многие решения, которые обычно принимает император, однако с точки зрения общественности гнева не вызывал.

Ли Цзинлуну хотелась иметь силы Цю Юнсы, чтобы прямо сейчас взмахнуть этой гигантской кистью разок и сделать всех этих людей штрихами на картине, а потом прочистить уши и вернуть Великой Тан покой.

– Я уже три раза рассказал все с самого начала и до конца, – сказал Ли Цзинлун. – Клянусь, я ничего не скрываю.

Гао Лиши здесь был на главных ролях, как яркое полуденное солнце. Отдел экзорцизма технически находился под юрисдикцией Ян Гочжуна, любые мелкие неприятности можно было скрыть за его именем. Однако теперь Ли Цзинлун вместе со своими подчиненными уничтожил более десяти процентов дворца Дамин, а главным оправданием этого деяния стала «поимка яо». Так как же уладить это все?

– Я вам верю, – сказал Гао Лиши. – Однако как мне доложить об этом Его Величеству?

– Как есть, так и говорите, – ответил Ли Цзинлун без малейшего страха. – Чанъань уже давно беспокоят яо, и это лишь начало. Рано или поздно настанет день, когда мы вытащим князя яо, скрывающегося за кулисами, и тогда великим генералам, стоящим надо мной, уже не нужно будет выбирать выражения для доложений.

Стоило услышать «князь яо», как все тут же ахнули от удивления.

– Вы преувеличиваете, чтобы напугать нас, – огрызнулся министр юстиции Вэнь Юй. С него, очевидно, было достаточно. – Ли Цзинлун, да ты рехнулся!

Ли Цзинлун громко рассмеялся в ответ.

– Тогда что насчет слуг во дворце Дамин, которые стали свидетелями событий, стражников на городской стене, которые видели яо? Как вы объясните свидетельства всех этих групп людей? А вы, командир Ху, тоже рехнулись вместе со мной?

Лицо Ху Шэна стало странным, он понял, что попал в ловушку Ли Цзинлуна.

На этот раз, несмотря ни на что, Ли Цзинлун собирался быть свидетелем, и на этот раз Ху Шэн не мог сбежать. Мужчине оставалось только сказать:

– Лису-яо я, как и Ли Цзинлун, видел своими собственными глазами. Про остальное мне ничего неизвестно.

Гао Лиши был ошеломлен, однако министр промышленности Цинь Сяокан остался несколько непреклонен:

– Давайте пока предположим, что все это реально. Но как вы хотели избежать уничтожения дворца Дамин?

– Его уничтожил яо, – ответил Ли Цзинлун. – Мои подчиненные и я непричастны.

– Вы хотите сказать, что нам надо искать этого яо, чтобы требовать у него компенсацию? – спросил размеренным и даже медлительным тоном министр обрядов.

Ли Цзинлун был сыт по горло всем этим.

– Знают ли господа, собравшиеся здесь, сколько людей погибнет в итоге, если мы позволим этим яо разгуливать по Чанъаню и шкодничать?

– Ли Цзинлун, – Гао Лиши сильно нахмурился. Он устал от этого всего. – Прекратите, хватит спорить с нами. Идите.

У Ли Цзинлуна не хватало слов, чтобы выразить свое негодование. В одно мгновение кровь прилила к голове, и он почти потерял контроль над собой и начал громко кричать. Однако два стражника Ревизионной палаты, стоящих слева и справа от него, подтолкнули мужчину вперед и вывели его из комнаты.

– Этот безумец пользуется благосклонностью императорской супруги. Я просто хотел поймать его на какой-нибудь оплошности и просто избавиться от него, однако я и подумать не мог, что он с такой серьезностью отнесется к своим обязанностям и доставит столько неприятностей.

Это было последнее, что слышал Ли Цзинлун от Цинь Сяокана перед тем, как ворота зала для допроса закрылись перед его носом. Стражники оставили его на темной, как смоль, площади перед допросной и сказали ждать ответа.

– Неужели все верят ему? – спросил Гао Лиши.

Господа, сидевшие в помещении, смотрели друг на друга, но никто не мог высказаться. Все в глубине души верили, так как в противном случае не было бы никакого разумного объяснения

произошедшего. Однако яо и зло, независимо от того, какую точку зрения занять, – эти темы нельзя было поднимать перед Великим сыном Неба.

Хуан Юн начал:

– Я вижу это так: лучше сказать, что дворец Дамин потрясло неожиданное торнадо, и это объяснит развороченную почву, рухнувшие здания, тогда дело можно закрыть. Затем Министерство промышленности может прислать мастеров и ремонтников, чтобы починить дворец за ночь…

Министр промышленности фыркнул, высказывая этим свое недовольство, почему это он должен нести ответственность за то, что натворила Ревизионная палата?

Гао Лиши улыбнулся и вытянул руку, говоря:

– Отдел экзорцизма все еще находится под юрисдикцией канцлера Яна, так что мы еще можем сделать?

– Думаю, Правый канцлер пока не в курсе, – ответил Вэнь Юй.

– На этот раз, если мы позволим этому продолжаться от имени канцлера Правых, как насчет следующего раза? – холодно сказал Цинь Сяокан. – Неужели мы и дальше будем позволять этому продолжаться?

– А что я могу сделать? – улыбнулся Гао Лиши. – Я тоже очень расстроен из-за всего этого. Господа, первоначально я должен был пригласить вас ко мне на выпивку, но вот нас разбудили посреди ночи, привели сюда, и мы вынуждены выслушивать весь этот бред.

– Поскольку вы действительно верите в это, – произнес Хуан Юн, – это больше не бред. В прошлом старина Ди и создал Отдел экзорцизма именно для…

– Неважно, так это или нет, – холодно перебил мужчину министр юстиции. – Если это происшествие распространится, то оно определенно наведёт страх на жителей Чанъаня. Как только это распространится, пути назад не будет, поэтому мы не можем позволить ему продолжать в том же духе. Мы должны закрыть это случайно образованное правительственное учреждение: какими бы свирепыми ни были яо, они все еще существа из плоти. Поскольку все дела передаются в Ревизионную палату, разве мы сами не можем поймать яо?

Вэнь Юй являлся начальником Хуан Юна, поэтому тому пришлось заткнуться и кивнуть.

– Но супруга питает слабость к нему… – сказал Гао Лиши.

– Генерал Гао, – повернулся к нему Вэнь Юй. – Если вы позволите этому слуге продолжать вот так вот бегать, то в будущем, когда он принесет огромный переполох, я боюсь, даже канцлер Ян почувствует последствия!

Глаза Гао Лиши забегали, и он больше ничего не сказал.

– Разрушенный дворец Дамин можно починить, – сказал министр церемоний. – Но вдруг разрушат Святилище предков[15]?

Гао Лиши негромко кашлянул. Эта фраза стала последней каплей[16].

[15] Святилище предков – место поклонения предыдущим императорам. В храме предков хранились таблички предыдущих императоров и несколько раз в год император проводил обряд жертвоприношения. Церемонии жертвоприношения в Храме Императорских Предков император проводил несколько раз в году: в начале каждого из четырех сезонов года, в конце года, а также по случаю важных событий: бракосочетания, восшествия на престол, похорон, войны и др.

[16] Последняя капля (кит. □□□□□□□□□□□) – последняя соломинка, которая сломала верблюду спину.

– Но этот вопрос мы должны по крайней мере упомянуть при канцлере, – задумчиво произнес Гао Лиши. – Мы также должны принять во внимание императорскую супругу.

– Согласны, – кивнули все. Судебный писчий начал составлять распоряжение о передаче, но тут вмешался Вэнь Юй.

– Нет необходимости пересекать юрисдикции, чтобы издать официальный приказ. Завтра я отправляюсь в Министерство кадров. Думаю, первоначальный приказ о переводе Ли Цзинлуна еще не был обработан, поэтому я просто скажу им, чтобы они его отменили.

Гао Лиши кивнул.

– Что касается вопроса об императорской печати Его Величества и о канцлере Яне, давайте я об этом позабочусь. Командир Ху, будущие приготовления Ли Цзинлуна вновь в ваших руках. Вы его старый начальник, и от вас зависит, молчит он или доставляет проблемы. Что касается Фэн Чанцина, нам придется побеспокоить вас и попросить навестить его.

Что оставалось делать Ху Шэну? Лишь горько улыбнуться и кивнуть.

Тут все хлопнули по столам и пришли к одному и тому же решению: одним взмахом кисти они сотрут весь Отдел экзорцизма, чтобы предотвратить новые проблемы, которые в будущем накопятся и приведут к тому, что все потеряют свои министерства и головы. Сын Неба –

порождение великолепия, его товарищи-свиньи не могли позволить затянуть его в трясину. Если основываться на предыдущих рассмотренных на суде инцидентах, как больших, так и малых, чиновники всегда теряли головы, поэтому они, естественно, считали принятое решение необходимым.

http://tl.rulate.ru/book/3616/89513